

Максимилиан Жирнов

16+

Разорванное небо

Максимилиан Жирнов

Разорванное небо

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Жирнов М. Б.

Разорванное небо / М. Б. Жирнов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Что такое полет на реактивном истребителе? Это скорость, маневр, огонь. Джек Риппер - талантливый летчик. К сожалению, он остался не у дел из-за своевольного характера. Ему приходится развлекать людей, подрабатывая полетами на антикварном десятиместном биплане. Но тесть дает ему второй шанс: правительству США нужен человек, который выполнит любую, самую грязную работу. Которому просто некуда бежать.

Содержание

Пролог. «Старфайтер»	6
Глава 1. Pax vobiscum (мир вам)	14
Глава 2. Генерал Коффин	20
Глава 3. Трюк	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

В оформлении книги использовано фото автора

Пролог. «Старфайтер»

Я зарулил на стоянку и перекрыл топливные краны. Ровное урчание двигателей смолкло. Стрелки приборов застыли у нулевых отметок. Старинный десятиместный биплан – «Драгон Рапид» по прозвищу «Дракоша», уснул до утра.

Летчик живет лишь в небе, и этот чудной фанерный самолетик сейчас – единственное, что не дает мне умереть, как пилоту. А давным-давно, наверное, в прошлой жизни, ревели турбины, и бушующее пламя уносило меня туда, где темнеет небо и звезды иногда видны даже днем... никогда не подозревал в себе излишней сентиментальности.

Я накинул куртку, спрыгнул на бетон и несколько минут стоял, прислушиваясь к потрескиванию остывающих моторов.

Нескладный малый с землистым лицом подложил колодки под колеса, притащил стремянку и открыл капот правого двигателя. Вдруг он резко развернулся, зашатался, но все же удержал равновесие и крикнул:

– Джек! Чуть не забыл! Тебя ждут в столовой! – и вновь передо мной маячила его широкая спина. По-моему, механик не интересовался, услышал я его или нет. Зимний холод, судя по всему, тоже никак на него не действовал. Зато мне стало зябко.

Я еще раз бросил взгляд на двухмоторную стрекозу и бросился к терминалу.

Вечером в кафе полно народа, и я не сразу нашел человека, который меня вызвал. Мне пришлось, извиняясь, проталкиваться между стойкой и столиками, пока, наконец, я его не увидел.

Коренастый мужчина вальяжно развалился в кресле и неторопливо потягивал кофе. Он поднял на меня равнодушный взгляд блестящих и выпуклых, как у жабы, глаз и жестом пригласил меня сесть напротив. Я выполнил его приказ.

В суровой внешности моего заслуженного тестя, полковника Джеймса Келли, было какое-то жестокое обаяние. Мне, во всяком случае, всегда хотелось говорить ему только правду. И выкладывать все, что я знаю.

– Джек Риппер, – отдельно произнес он, как только я устроился напротив. – Я завидую твоей фамилии.

Я заказал кофе и спросил тестя, чем обязан. Полковник положил на стол папку и пролистал несколько бумаг.

– Мне нужно, чтобы ты летал. Для меня, – сказал он, оставив пустую чашку.

– Вам понадобился извозчик? – непочтительно спросил я, обжигаясь горячим напитком.

Тесть соединил кончики пальцев и наблюдал за моими страданиями из-под прикрытых век. Примерно так сытый гризли смотрит за играми зазевавшегося олененка.

– Не буду врать, – наконец, ответил он. – Мне нужен полевой агент-летчик.

– Вот как? – воскликнул я. – А я-то думал, вы меня давно списали. Честно сказать, я до сих пор не могу понять, зачем вы тогда выступили перед трибуналом. Если бы не ваша речь, вряд ли мне дали бы положительную характеристику, когда пинком вышвырнули из ВВС.

Полковник почесал за ухом:

– Я сделал это ради дочери. Кроме того, я за справедливость. Нельзя наказывать человека, который вскрыл недостатки нашей противовоздушной обороны. Но это полбеды. Потом ты покотился по наклонной.

Тесть начал отгибать пальцы, перечисляя мои грехи:

– Тебя последовательно вышвырнули из: инструкторов школы летчиков-истребителей, испытательного центра НАСА и с должности пилота компании Боинг. И все это – за воздушное хулиганство! Чем ты Боингу не угодил, а?

– Разве вы не знаете?

– Честно говоря, не было времени запрашивать твое досье. Отвечай!

Я пожал плечами:

– Не понимаю, что там так взъелись? Я поспорил со вторым пилотом, что пролечу под мостом «Золотые ворота». На новеньком лайнере – мы перегоняли его во Фриско.

– Какие были ставки? – поинтересовался тесть.

– Пять баксов, наличными. Я выиграл.

Тесть многозначительно покачал головой:

– Именно такого зятя мне и не хватало. Не каждый способен за пять баксов лишиться денежной и престижной работы в крупной компании. А потом сесть на шею моей дочери!

– Вообще-то, у меня есть военная пенсия, и кое-что я зарабатываю развлекательными полетами... – я неуклюже попытался оправдаться.

– Если на эти деньги ты снимешь комнату в ночлежке, то умрешь с голода! – оборвал меня полковник. – Собирайся, поехали!

– Куда?

– В Брансуик. На старую авиабазу.

– Мы не заедем в тренажерный зал? – обнаглел я. – Мэри сейчас в рейсе, меня некому отвезти. А мне обязательно надо продлить абонемент.

– Хорошо, – коротко ответил тесть, убирая бумаги в папку.

Я допил кофе и вышел на улицу. На стоянке серой тенью маячил «Додж Кэрриолл» времен Второй мировой войны – крытый полноприводный джип. Когда-то на таких машинах разъезжало фронтовое начальство. Ныне же автомобиль был гордостью полковника Келли – говорят, он восстановил его сам.

Мы покатали по вечерним улицам. Вспыхнули ртутные лампы. Теперь город казался мне зеленоватым, мертвенно-бледным чудовищем, безжалостно перемалывающим людские судьбы и жизни.

Тесть остановил машину напротив тренажерного зала. Над входом ярко сияла реклама.

Я взлетел по ступеням, размахивая банкнотой. Симпатичная брюнетка за стойкой администратора приветливо улыбнулась:

– Мистер Риппер, вы могли бы оплатить абонемент через интернет.

– У меня сейчас только наличные. Мой счет совершенно пуст.

Администратор провела меня в кассу. Я расплатился, выскочил на улицу, сел на переднее сиденье «Доджа» и хлопнул дверью.

– Не надо так грохать! – злобно сказал полковник. – Я понимаю, не твое! Но все же...

Тесть вывел машину на шоссе и помчался, как ошпаренный. Никогда бы не подумал, что военный «Додж» способен гнать с такой скоростью! Наверное, полковник что-то подкрутил в машине.

Двадцать миль мы пролетели за пятнадцать минут. Полковник посигналил у проходной, и охранник распахнул перед нами ворота. Мы подкатили к ангару с вывеской «НАСА. Метеорологическая служба». Часовой проверил документы, пролистал список и пропустил нас внутрь.

Я ахнул от изумления: оказывается, полковник – любитель не только антикварных автомобилей, но и самолетов. Характерные черты истребителя F-104 «Старфайтер» не узнает лишь очень далекий от авиации человек. Острый, как у ракеты, нос, Т-образное хвостовое оперение и маленькие, резко отогнутые вниз крылышки – визитная карточка этой противоречивой, строгой и опасной машины.

Несколько техников суетились вокруг самолета, проверяя обшивку и силовой набор.

– Оставляющий вдов, – вырвалось у меня. – Летающий гроб.

– Он самый, – сказал полковник. – Итальянская модификация. Мы закупили три машины для специальных операций. Каков твой ответ? Согласен?

– Но почему именно я?

Полковник посмотрел на меня исподлобья:

– У меня нет выбора, – честно ответил он. – Просто никто другой не согласился летать на «Старфайтере». Слишком уж дурная слава у этой машины.

– Ничего, – я махнул рукой. – У меня есть опыт полетов на ней. В испытательном центре. Мы проверяли ракетные ускорители.

Я поднялся по стремянке, заглянул в кабину и едва сдержал рвущееся биение сердца. Ручка управления, а не штурвал! Как же давно я не держался за нее, не чувствовал того слияния с машиной, когда летчик становится неотделимой частью самолета! На тяжелых, не маневренных машинах такого ощущения не получить никогда. Согласен ли я? Да я готов продать душу!

Но пилот должен контролировать эмоции. И я просто сказал:

– Когда я могу... попробовать?

Тесть протянул мне ручку и несколько листов:

– Подпиши.

Я прочитал текст. Похоже, мой работодатель не очень заботится о здоровье сотрудников. Все на свой страх и риск. Нацарапал свою фамилию и сразу почувствовал себя каким-то серым агентом.

Полковник сунул бумаги обратно в папку:

– Возьми в своей компании неделю отпуска за свой счет. Завтра явишься на медкомиссию. А там посмотрим.

Тесть отвез меня домой.

Мы встретились через два дня в аэропорту. Я сел в «Додж». Полковник вырулил на трассу и помчался, как сумасшедший.

– Джек, я не думал, что ты – равнодушная скотина, – сказал он, не отрываясь от дороги. – У тебя ни на йоту не повысилось давление от моих новостей. Мне бы твое здоровье. Скажи, ты не пытался записаться в отряд астронавтов? Может, космос – твое призвание?

Я пожал плечами:

– Увы. Все мои надежды на покорение внеземного пространства похоронило увольнение из испытательного центра. Если бы не проклятая лужа...

– Лужа? – с интересом переспросил тесть. – В досье написано, что тебя выкинули за грубое нарушение правил полетов.

Я поморщился. Воспоминания лежали у меня на сердце тяжким грузом.

– Разве ж они напишут правду? – я махнул рукой. – В центре была пара старых поршневых штурмовиков «Скайрейдер». Я любил их – несмотря на всю архаичность этих машин, в них чувствовалась какая-то необузданная мощь, сила.

– Давай ближе к делу, – недовольно сказал тесть.

– В тот несчастливый день начальство устроило авиашоу. Мне приказали пролететь перед трибуной. Я подошел к делу творчески – немного изменил курс и высоту. Наверное, получилось эффектно. Говорили, когда штурмовик, ревя мотором, пронесся прямо над головами зрителей, пригнулись все.

Я перевел дух и продолжил:

– Увы, с утра прошел дождь. Прямо у трибуны для важных персон собралась большая лужа. И воздушный поток от самолета... Одним словом, я устроил большим шишкам холодный душ. Как мне потом сказали, вода ручьями стекала со шляпы представителя президента.

Полковник усмехнулся:

– Вот здесь я тебя полностью поддерживаю. Отрезвляющая ванна полезна зарвавшимся политикам. Жаль, твое начальство этого не оценило.

Тесть остановил машину возле ангара. За разговорами я и не заметил, как мы приехали в Брансуик.

Я выскочил из «Доджа» и закашлялся, глотнув морозный воздух. Глянул на термометр – минус шестнадцать. Ничего, зато реактивному двигателю легче работать.

Створки ангара открылись. Аэродромный тягач вывел бело-синий «Старфайтер» с номером сто два на рулежную дорожку. Техники, ежась и притопывая, протянули пуповину шлангов и проводов, и соединили машину с наземным источником питания. Басовито заурчал дизель, перекрывая жалкое тарыхтение «Доджа».

Механик забрался в кабину и сосредоточенно уставился на приборную панель. Я хотел кликнуть его, но тесть схватил меня за плечо:

– Идем. У меня для тебя презент.

Мы прошли в ангар, в отгороженную от самолетов раздевалку. Полковник открыл шкафчик, и достал противоперегрузочный костюм. Обычное орудие пытки летчика.

Однажды я испытал такой комбинезон на собственной супруге. Просто дунул в трубку подачи воздуха. То, что сказала моя жена, никогда не напечатает в приличной литературе. Еще бы: попробуйте со всей силы затянуть на животе широкий ремень. Ощущения на любителя. А для летчика-истребителя такие издевательства – обычное дело. Противоперегрузочный костюм фиксирует внутренние органы и не дает крови отливаться к ногам, иначе при резких маневрах пилот может потерять сознание. А тогда все: если врезаться в землю на скорости в пятьсот узлов, от человека не останется даже мокрого места.

Я переоделся и подогнал снаряжение. Полковник протянул мне шлем.

В раздевалку влетел худощавый парень в куртке, покрытой пятнами масла. Он чуть отдышался и крикнул:

– Мистер Аллен сказал, что самолет заправлен и готов, сэр! А правда, этот псих, – молодой человек ткнул в меня пальцем, – будет на нем летать?

Полковник сдвинул брови:

– Дик! Он тебе не псих, а капитан Джек Риппер!

– Так точно, сэр! – смутился парень. – Виноват, сэр!

Мы вышли на стоянку. Я обошел самолет, внимательно разглядывая фюзеляж и плоскости. Все цело, все в порядке. Вроде бы. Остальное покажет его величество полет.

Я поднялся в кабину и надел шлем. Дик, восторженно сверкая глазами, помог мне пристегнуться и убрал стремянку. Чему он радуется? Не ему же лететь.

Я прочитал контрольную карту, поставил ручку тяги на малый газ и включил стартер. От жуткого, проникающего, казалось, под самый череп визга, заныли зубы. Сработало зажигание, стрелка указателя оборотов метнулась по шкале. Турбина завывала на малом газу – тот, кто хотя бы раз слышал вой «Старфайтера», никогда не спутает его ни с чем другим.

Одна за другой погасли сигнальные лампы. Отшкалились приборы. Дик отключил наземный источник питания и поднял над головой красные ленты заглушек. Я показал ему большой палец, захлопнул фонарь кабины и связался с диспетчером.

– Сто второй, вырубивайте на полосу девятнадцать, рулежная дорожка альфа, – ответил дружелюбный голос в наушниках.

Значит, взлетать я буду в сторону океана. Что ж, разумное решение на случай, если мне придется катапультироваться... или того хуже.

Я порулил по аэродрому, внимательно читая указатели. Мимо меня проплыла стоянка малой авиации. Несмотря на мороз, несколько человек с интересом наблюдали за мной, вернее, за моим истребителем. Мне показалось, будто у них в руках фотоаппараты. Ничего себе – секретная миссия!

Диспетчер дал разрешение на взлет. Я снова прочитал контрольную карту. Святая святых авиации – маленькие таблички на моем колене, они напечатаны не типографской краской. Эти

невзрачные буквы и цифры написаны кровью и оплачены жизнями летчиков-испытателей. От них зависит и мое существование на этом свете.

На форсаже двигатель боевого самолета не свистит. Он грохочет, словно бесконечный, непрерывный гром над самым ухом. Но летчик этого не слышит, он сидит в кабине, в самом носу, отделенный от мотора перегородками, топливными баками, многочисленными слоями звуковой и теплоизоляции.

Я толкнул ручку тяги до упора. Меня вдавило в кресло. Самолет помчался по асфальту, взвился в небо и набрал скорость так быстро, что я едва успел убрать шасси. Здесь надо шевелиться и думать мгновенно. Даром, что машину изготовили в середине прошлого века.

Первый полет я выполнил строго по заданию, разве что аэродромный круг у меня получился куда шире обычного.

– Ты что вытворяешь, сто второй? – раздался в шлемофоне рык полковника. Не поленился же пойти в башню.

– А как вы себе представляете мой полет? – ответил я в нарушение всех регламентов радиосвязи. – У «Старфайтера» скорость на круге триста пятьдесят узлов. И разворачивается он очень неохотно.

Я сбросил скорость, выпустил шасси и закрылки, нацеливаясь на трехкилометровую асфальтовую полосу. Она отчетливо темнела на фоне укутанной снежным покрывалом земли. Промелькнул торец, и моя рука сама собой, автоматически едва не потянула ручку тяги в положение «малый газ».

Но если бы я так сделал, это движение стало бы последним в моей жизни: мощности турбины не хватило бы для обдува закрылков. И самолет, рухнув на землю, разлетелся бы на тысячи алюминиевых обломков.

Я замер, застыл, превратился в ледяную статую. Лишь когда меня ощутимо пнуло пониже спины и колеса покатались по асфальту, я убрал газ. Трудно быть человеком-ракетой.

Во втором полете у меня что-то зачесалось. Я разворачивался над белесым, скованным льдом и припорошенным снегом озером Себейго, когда увидел возле берега какие-то темные точки. Да это же рыболовы! Сидят себе, удят рыбу в лунках и в ус не дуют. Ну, сейчас я вам устрою...

Я спикировал на рыбаков, включил форсаж и пронесся в сотне футов над несчастными, оглушив и осыпав их вихрем свежевывающего снега. Жаль, нельзя разглядеть их лиц.

Когда я вернулся, полковник ждал меня у ангара. Едва умолк двигатель, он поднялся по стремянке и постучал по стеклу кабины. Я открыл фонарь и снял шлем.

Глаза тестя гневно сверкали, казалось, он готов схватить меня за шиворот, вытащить из кабины и швырнуть подальше от самолета.

– Теперь я понимаю, почему тебя отовсюду гнали, как последнюю тварь! – глухо прорычал он. – Если бы у меня был выбор, ты бы остаток жизни провел на земле!

Я изумленно воззрился на полковника. Он постучал себя кулаком по голове и продолжил разнос:

– Чего уставился? Радиолокатор не вчера изобрели! Думаешь, я – тупой? Не понял, куда ты провалился? Еще один такой выверт, и можешь собираться домой! Пешком!

Угрозы тестя никогда не расходились с делом.

Я снова поднял «Старфайтер» в ясное зимнее небо. Забрался на высоту и вывел машину на сверхзвук. Подо мной темнели незамерзающие воды Атлантического океана.

Самолет, разворачиваясь к берегу, описал широкую дугу. Над сушей я сбросил скорость, спикировал к земле и запросил разрешение на посадку.

Но когда я поставил ручку шасси в положение «выпущено», раздался глухой удар. Лампы не загорелись. Тогда я дернул аварийную рукоятку. Бесполезно.

– Мэйдей, мэйдей, – буднично сказал я в микрофон. – Отказ шасси.

– Что думаете предпринять? – спросил диспетчер.

– Я пройду над вышкой, посмотрите, в каком положении стойки.

– Принято, сто второй. Мы готовы.

Башня промелькнула сбоку от меня.

– Стойки убраны, створки закрыты, повторяю, створки закрыты, – надрывался диспетчер. – Сто второй, рекомендую катапультироваться.

– Ответ отрицательный, – ответил я. – Может, перегрузка поможет стойкам выйти?

– Принято. Действуйте, – ответил диспетчер.

Я увел истребитель высоко в небо и камнем спикировал на полосу. Когда до земли оставалось три тысячи футов, я напряг мускулы и резко взял ручку на себя. На грудь мне словно навалили кучу камней. Противоперегрузочный костюм отвердел, выдавливая мои внутренности куда-то к мгновенно пересохшему горлу.

Но лампы остались безжизненны. Тогда я снова взмыл, рухнул к земле и рванул ручку до упора. Стрелка акселерометра прыгнула далеко за красную черту, к девятке. Мир окутал непроницаемый мрак. И когда я пришел в себя, сквозь серую пелену мне в глаза блеснули три ярких зеленых огонька.

Зрение окончательно прояснилось. Самолет мчался над самыми верхушками деревьев. Еще немного, и машина превратится в секатор. Одноразовый.

Я набрал высоту и пошел на посадку с прямой, без обычного круга над аэродромом. Как только шасси коснулись полосы, я убрал газ и рванул рукоятку тормозного парашюта. Но все равно машину бросило в сторону, и у меня с трудом получилось удержать ее на полосе. Еще немного, самолет вылетел бы в снег и, кувыркаясь, устроил бы фотографам огненное шоу.

Скорость погасла. «Старфайтер» накренился на правое крыло и замер. Я перекрыл подачу топлива, и гул турбины умолк.

Подкатил грузовик, из кузова выскочил тесть со стремянкой. Помог отстегнуть ремни, посмотрел по сторонам и постучал по шлему:

– Быстро в раздевалку! Будет серьезный разговор.

Наверное, я посмотрел на полковника взглядом побитой собаки.

– Не вини себя, – смягчился он. – Сейчас у меня к тебе лишь одна претензия: надо было катапультироваться. Самолет мог развалиться. Да и ты с непривычки потерял бы сознание и...

– И так вырубился, – я согласился с тестем. – Всего-то девятикратная перегрузка. А когда-то на центрифуге мне и двенадцатикратная была нипочем.

Полковник вздохнул:

– Все вы, летчики, такие. До последнего будете тянуть. Но если б ты знал, сколько хороших парней не вернулось из полета из-за глупого упрямства... Подумай, стоит ли так рисковать ради старой железяки!

Я спрыгнул на землю, бросил взгляд на «Старфайтер» и задумчиво почесал затылок. Удивительно, как истребитель не опрокинулся на спину при посадке? Правая стойка согнулась почти пополам, крыло едва не царапало асфальт. Створки вырвало, что называется, «с мясом». Наверное, шасси чуть не снесло воздушным потоком: все же скорость была великовата для выпуска.

Подъехал аэродромный тягач. Техники подсоединили буксировочную штангу, и приземистая машина потащила искалеченный самолет на стоянку. Мы сели в грузовик и помчались к ангару.

Тесть провел меня в отгороженный закуток. Прикрыл дверь и спросил:

– Твои соображения?

– Машина старая. Всякое могло произойти. Замки створок нормально закрылись. Потом, правда, не открылись. Может, замерзли?

– Вряд ли, – скептически поморщился полковник.

– Диверсия?

– Я этого не говорил, – ответил тесть. – Пусть разбираются инженеры. В любом случае отдыхай, а потом возвращайся на свою обычную работу. Полетов не будет, пока мы не выясним, что произошло и не проверим самолет на остаточные деформации.

Я переоделся, тесть отвез меня домой. Он притормозил у палисадника. Я выскочил и хлопнул дверью. «Додж» фыркнул бензиновой гарью, развернулся и рванул по улице. Красные стоп-сигналы растаяли в ранних зимних сумерках.

К моему неудовольствию, Мэри уже вернулась. Значит, мне не уйти от объяснений.

– Дорогой, – ласково пропела супруга, когда я попытался проскользнуть в комнату. – Что вы там затеяли с отцом? Думаешь, я не видела его машину?

Я посмотрел в бездну ее глаз и понял, что никогда не смогу соврать жене. Но и сдаваться без боя мне совсем не хотелось.

– А ты почему так рано? – ответил я вопросом на вопрос. – Должна же прилететь только завтра. Ты же лучшая стюардесса компании. Они не могут обойтись без тебя.

– Я вылетала часы на этот месяц. На следующий рейс вместо меня поставили Кейт. А теперь, дорогой, не заговаривай мне зубы. Выкладывай.

И я рассказал все, без утайки. Мэри слушала, прижав руку ко рту, не отрывая от меня наполненного ужасом взгляда. Когда я закончил, она сжала руки в кулаки, положила ногу на ногу и почти крикнула:

– Дурачок! Он же хотел тебя убить!

Я пожал плечами:

– Если бы хотел, то убил. И выбрал бы способ попроще. Но если ты хочешь, я откажусь...

– Да! Больше никогда не садись в эту... но ты ведь не сможешь, не летать, да? Не сможешь?

Мэри молитвенно сложила руки. Похоже, она приняла судьбу, как есть. Вздохнула и твердо сказала:

– Нет, Джек. Ты – муж, и тебе решать, что делать. Только прошу тебя: возвращайся на землю. Всегда.

Супруга поставила на стол салат с жареной курицей и разлила в стаканы апельсиновый сок. Обычный семейный ужин после трудного рабочего дня.

Тесть объявился лишь через две недели. Мэри улетела в рейс, а я только что вернулся с работы, выполнив нескольких обзорных полетов на «Дракоше», и уже собирался идти спать. Услышал на улице характерный рык мотора «Доджа» и, как был в халате, приготовился встречать гостя.

Полковник влетел без стука и с порога заявил:

– Джек! У меня для тебя новости. В основном хорошие.

– В основном? – переспросил я. – Значит, есть и плохие?

– Есть, – кивнул тесть и сел в кресло моей супруги. – Авария самолета – не диверсия. Обыкновенное разгильдяйство.

– Мое? – похолодел я.

– Нет, конечно. Нашего юного друга Дика. Помощника инженера.

Я облегченно вздохнул и налил в стаканы апельсинового сока.

– И теперь он без работы?

Полковник отпил глоток, пощелкал языком и сказал:

– Зачем? Ему же надо выучиться. Косяк в работе – лишний рычаг для управления человеком. А теперь хорошая новость. Остаточных деформаций в самолете не нашли. Машину отремонтировали.

– Когда мне лететь? – спросил я, отставляя пустой стакан.

– Погоди, пока мы не перебазировем авиагруппу в Портленд. Конечно, здесь полоса меньше, зато мне не нужно тебя катать за двадцать миль. У нас большая программа, Джек!

– Вы не боитесь... повышенного внимания? Журналисты, зеваки, просто любители авиации. По-моему, нас засветили еще в Брансуике.

Полковник рассмеялся:

– Шила в мешке не утаишь, Джек! Есть два способа скрыть информацию. Первый – все засекретить.

– А второй? – с интересом спросил я.

– Все открыть, выложить в свободный доступ, – сказал тесть с оттенком превосходства. – Перемешать правду и ложь. И пусть враг сам пытается отделить зерна от плевел. Поверь мне, это куда труднее, чем выудить закрытые сведения.

Полковник встал:

– Не смею тебя больше задерживать. Когда все будет готово, я сообщу. И передай Мэри привет! У нее отличные напитки!

Тесть вышел. За окном послышался удаляющийся шум мотора «Доджа». Я налил еще один стакан сока, залпом осушил его, лег в постель и мгновенно уснул.

Глава 1. Pax vobiscum (мир вам)

Телефон отчаянно заверещал. Я подскочил, словно на меня вылили ушат ледяной воды:

– Джек Риппер к вашим услугам.

– Полковник Джеймс Келли! Боевой вылет! Машина ждет!

Наверное, никогда я не добирался до аэропорта так быстро. Завывая сиреной, сверкая иллюминацией, полицейский автомобиль промчался по скованным льдом и снегом улицам, влетел на рулежную дорожку и подкатил к ангару.

Пока я надевал противоперегрузочный костюм, полковник, он же мой заслуженный тесть, ввел меня в курс дела:

– К Бостону идет захваченный террористами лайнер с ядерным оружием на борту! Представляешь, что будет, если они взорвут бомбу в порту? Вот если мы могли бы уничтожить судно...

– А заложники?

– В этом вся проблема. Террористы обещают привести в действие заряд в случае любых враждебных поползновений. И тогда полетят головы на самом верху. Но если ты, гражданское лицо... ну, как бы случайно упустишь пару ракет «Корморан», то... Короче, на нет и суда нет.

– Я понял. Но, полковник, вы меня удивляете. Где вы взяли это старье?

– Привез из Италии вместе со «Старфайтерами». Джек, если ты выполнишь задание, тебя восстановят на службе!

– Какое задание? – спросил я.

Жабье лицо полковника расплылось в ухмылке:

– Правильный подход. Дам только один совет: хочешь жить – удирай быстрее. Ударная волна не жует, а давит. Действуй с предельной дистанции. Еще вопросы есть?

– Нет.

– Тогда на вылет! Машина готова. Название лайнера и примерный курс прочитаешь в полетном листе.

Завыл наземный источник питания...

Фонарь кабины захлопнулся, отсекая шум аэропорта: гул турбин, рык поршневых авиационных моторов, урчание тягачей и спецмашин. Погасла последняя сигнальная лампа, в круглых окошках индикаторов закрылков застыла надпись «взлет». Я и моя птичка – истребитель F-104 «Старфайтер» готовы к старту. Диспетчер дал добро.

Я не стал церемониться и дал полный форсаж. Грохот двигателя, невыносимый снарядом, был едва слышен сквозь плексиглас и наушники. Двенадцать тонн тяги вдавили меня в кресло. Полностью загруженная машина с трудом оторвалась от асфальта. Подо мной замелькали дома, проскочила темно-серая лента шоссе с маленькими, точно игрушечными, автомобилями. Небесная гавань Портленд, штат Мэн, осталась позади.

Я убрал шасси, закрылки, выключил форсаж и повел «Старфайтер» к отчетливо видимой береговой линии. Через пару минут я уже летел на трансзвуке в трехстах футах над ледяной рябью океана. Здесь нет смысла таиться: скрыться от радаров, контролирующих всю территорию США и часть Атлантического океана, невозможно. Но всем, от генерала и до самого последнего оператора известно: ни меня, ни моего самолета здесь нет. Как нет и двух старых ракет «Корморан», подвешенных на пилонах моей выкрашенной в камуфляж «ракеты с крыльями».

Я включил радар. Вспыхнул экран, до того маячивший на панели приборов темным бельмом. Зеленый луч нервно метнулся от одного края индикатора к другому. Никого. Я поднялся на тысячу футов, под самую кромку свинцовых туч и повел машину змейкой, пытаюсь поймать цель локатором. Через несколько минут мои усилия увенчались успехом: на экране появилась

сверкающая блеска. Цифры на указателе дальности защелкали, будто предвкушая атаку. Все, теперь не уйдешь. Я включил тумблера управления оружием и на приборной панели вспыхнули зеленые лампы. Одно нажатие на «пикл» – красную кнопку на ручке управления, и сияющие огни погаснут. Ракеты уйдут к цели.

И все же я не был готов атаковать. Надо проверить: мало ли кто еще может войти в запретную зону.

«Старфайтер» пронесся в сотне футов над белой посудиною размером чуть меньше современного фрегата. Ветер уносил за корму рваные клочья дыма: наверное, террористы совсем не следят за машинами.

Я успел прочитать надпись на борту: да, это моя мишень.

На палубе столпились люди. На террористов они совсем не похожи: ни у кого нет оружия! Скорее, это пассажиры. Да, пассажиры! Как будто они из любопытства выскочили посмотреть на самолет. Почему их так много? Что-то здесь не так.

Может, отменить атаку? Дудки! Я не хочу провести остаток жизни, заправляя автомобили на бензоколонках! Летать для меня – все!

Я увел истребитель на предельную дальность и нажал на «пикл». Погас зеленый глаз, ракета изрыгнула огненный сноп и, оставляя дымный след, помчалась над волнами. Через три секунды вторая смертоносная стрела прочертила белесую линию. *Rax vobiscum.* (Мир вам).

Я взял ручку управления вправо и на себя, и включил полный форсаж. Пятиметровый столб керосинового пламени понес меня ввысь – прочь от несчастного судна.

У меня ровно минута, пока обе ракеты не дойдут до цели, и сто двенадцать килограмм взрывчатки не разорвут борта беззащитного лайнера. Или пока террористы, увидев летящую над волнами смерть, не превратят все в ослепительную вспышку и облако пара. Истребитель легко пронизал облачную пелену и выскочил в залитое солнцем небо. В окошке высотомера, словно сумасшедшие, замелькали цифры. За минуту F-104 набрал шестнадцать километров.

Таймер отсчитал положенные секунды... Ни вспышки, ни ударной волны и ядерного гриба. Ничего. Попал я или нет? Неизвестно. Мне все равно: задание выполнено. Ракеты успешно «потерялись». Я развернул машину на обратный курс, рухнул с высоты под пушистые, сверкающие на солнце тучи, и помчался домой...

Аэропорт застлала густая пелена дождя. Огни подхода едва проглядывали сквозь серую муть. Диспетчер дал разрешение на посадку. Какой-то у него странный голос. Что-то не так, но у меня нет времени разбираться. Сто девяносто узлов не очень-то располагают к долгим размышлениям.

Контрольная карта. Шасси выпущены, зеленые горят, закрылки – посадочное положение. Как обычно, я держу скорость чуть выше рекомендуемой: машина лучше управляется. Входные огни приглашают меня в зону приземления, обозначенную жемчужной россыпью ламп. Решение? Садиться! А, черт! Черт! Ловушка!

Кабину словно залило пылающее солнце. Рассеиваясь на дождевых каплях, луч прожектора превратил все вокруг в сплошной сверкающий ад. Я толкнул ручку тяги. Турбина взвыла, стрелка указателя скорости поползла вправо. Прямо подо мной промелькнуло что-то длинное и страшное. Кто-то поставил поперек полосы трейлер.

«Старфайтер» спас меня: едва не зацепив препятствие, машина успела набрать высоту и ушла в затянутое траурными облаками небо. Я развернулся, выставил на ответчике код бедствия и, не говоря диспетчеру ни слова, приземлился на резервную полосу. Вряд ли мои друзья успеют переставить преграду. Когда я зарулил на стоянку, на приборной панели вспыхнул сигнализатор «аварийный остаток топлива».

Меня встретила приветственная делегация: два вооруженных автоматическими винтовками солдата в белых касках и офицер военной полиции. Сначала я подумал об охране, но, когда меня отвели в комнату с выбеленными стенами, я понял, что серьезно ошибся. Это арест.

За простым деревянным столом сидел майор службы криминальных расследований. Голубые глаза сурово глядели из-под густых насупленных бровей. Он указал на стул:

– Я не буду врать: вы крепко влипли, Риппер. Кто отдал приказ?

– Какой приказ? – спросил я.

– Вы сами знаете, какой. Запирательство бесполезно.

– Я не знаю, о чем вы говорите.

– Риппер, вы пойдете под трибунал.

– Я давно в отставке, и в настоящий момент являюсь гражданским лицом. По большому счету, у вас вообще нет права меня допрашивать.

– То есть, вы летали на истребителе, не имея на то соответствующего допуска?

– Я не летал ни на каком истребителе. Список моих рейтингов Вы можете запросить у Федеральной Авиационной Администрации.

– Ложь вам не к лицу. Как минимум три свидетеля наблюдали Вашу посадку! Риппер, если вы не скажете правду, всю оставшуюся жизнь будете летать пассажиром! После того, как выйдете из тюрьмы!

Майор повернулся к солдатам и приказал:

– Увести!

Когда мы шли узким коридором, я бросился в ноги конвойному. Он загремел по полу. Я вскочил и ринулся в проход. Солдаты почему-то не стреляли. Я свернул на склад запасных частей, пробежал между покрытыми потеками масла агрегатами и вылетел на техническую рулежную дорожку.

Взвизгнув тормозами, остановился «Додж». С заднего сидения вымученно улыбнулась Мэри – моя ненаглядная супруга. Я плюхнулся рядом с тестем, и машина рванула к проходной аэропорта.

– Куда мы едем? – спросил я.

– В Брансуик, – ухмыльнулся Келли.

– Это вы поставили трейлер поперек полосы?

Полковник на секунду оторвался от дороги. Он сурово посмотрел на меня:

– Риппер, я, конечно, хочу освободить свою дочь от брачных уз с редкостным неудачником, но я никогда не опущусь до столь примитивных методов.

– Гм... Я думал о вас гораздо хуже. Кстати, любому другому самолету пришел бы свирепый конец. Турбина не успела бы раскрутиться и вытащить меня из... сложившейся ситуации. Но на «Старфайтере» малый газ надо ставить лишь после касания. Когда я двинул ручку тяги, мощность выросла почти мгновенно.

– Видимо, наши друзья этого не знали, – ухмыльнулся полковник.

– Очевидно. Но инсценировка с военной полицией – точно ваша затея.

– Моя, – согласился полковник. – Но как вы...

– Для чего майор нацепил на себя форму службы криминальных расследований флота? Грубейшая ошибка. И его допрос...

– Какой еще майор? – озадаченно спросил тесть. – Солдаты должны были охранять тебя до моего прибытия!

– Наши друзья удивительно быстро меняют планы, – сказал я. – Значит, пока я уходил на второй круг, они быстренько организовали...

– Нет, – перебил меня полковник. – Они все продумали заранее. Их целью был я. Но вместо того, чтобы стинуть в адском пламени, ты выжил и спутал им карты.

– Почему тогда они меня не застрелили?

– На глазах всего аэропорта? И куда бы они дели труп? Вот если тело уйдет само под конвоем военной полиции, это не вызовет подозрений. Теперь слушайте меня – ты и Мэри. Поживете несколько дней в отеле. Номер люкс и питание за счет правительства. Можете гулять по городу.

– В противоперегрузочном костюме? – мрачно спросил я. – Он не очень-то годится для повседневной носки. Зато я, наверное, произведу фурор в ресторане.

– Я позабочусь об одежде, – нахмурился полковник.

Через полчаса машина свернула с магистрали на узкую улочку и подъехала к отелю рядом с бывшим военным аэродромом Брансуик. Мне пришлось идти через черный ход, словно беглому преступнику. Лишь в номере я снял противоперегрузочный костюм, принял душ и надел махровый гостиничный халат. И так сойдет.

Моя ненаглядная Мэри уютно устроилась на диване, положив ногу на ногу. Стройная фигура, волнистые светлые волосы, милое, почти кукольное, но не вульгарное, личико. В стюардессы других и не берут.

– Подай мне пульт. Пожалуйста, дорогой, – устало улыбнулась супруга. Странно. А я думал, это у меня сегодня был вылет.

Я выполнил ее просьбу. Экран засветился...

Обычно военный летчик не видит результат своих усилий: в лучшем случае лишь вспышки разрывов освещают кабину, да ударная волна подбрасывает самолет. В худшем – только белые следы ракет режут синеву неба. Выстрелил и забыл – эффективный и безжалостный принцип. Но сейчас я собственными глазами наблюдал последствия моей стрельбы: телевизионщики умеют эффектно подать материал.

На гребнях белопенных, словно кипящих, волн плавали покрытые радужной пленкой солянки деревянные обломки, ящики, спасательные круги. И тела. Мужские, женские, детские.

– Ты еси сотворивший сие, – прошептал я бессмертную цитату Эдгара По.

Прямо перед камерой бурлящий океан подбросил труп ребенка в неуместно-веселом оранжевом пробковом жилете, на секунду мелькнули темные курчавые волосы. Через секунду он скрылся в пене. Молодой человек с бородкой оскалился на гребне высокой волны.

Я прибавил громкость:

– ...более трех тысяч беженцев из Тортуганы от режима диктатора Сазалара погибли в результате катастрофы теплохода «Независимость», – надрывался диктор. – После прибытия в Бостон, согласно договору с правительством Сазалара, они должны были быть репатриированы. Однако правозащитные организации настаивали на предоставлении всем бежавшим политического убежища, что спровоцировало кризис в Конгрессе.

Картинка сменилась: в медицинском отсеке на койке лежал обложенный согревающими пакетами мужчина средних лет. Диктор продолжил тараторить:

– В настоящий момент ведутся спасательные работы, но вследствие низкой температуры воды шансы найти живых ничтожно малы. Единственный выживший – старший механик Франческо Салерно рассказал об атаке судна неизвестным самолетом. Наш канал взял у него эксклюзивное интервью.

– Я поднимался на мостик, доложить старшему помощнику об аварии в правом дизеле, – слабым голосом сказал в камеру Салерно, – когда с палубы раздались крики «самолет». Меня оттеснили в сторону. Когда я все-таки выбрался наверх, услышал только гул двигателей. Потом я увидел ракету, она мчалась над самой водой и ударила в борт, прямо в середину. Люди на палубе посыпались в океан... После попадания второй ракеты судно разломилось надвое. Мы не успели спустить ни одной шлюпки. Я забрался на большой деревянный ящик, его отнесло в сторону... Через несколько часов меня подобрал сухогруз. К этому времени все были мертвы...

– В настоящий момент решается вопрос о предоставлении Салерно политического убежища, – сказал диктор. – А сейчас прогноз погоды на завтра...

Я посмотрел на жену: ее была нервная дрожь, глаза гневно сверкали. Пальцы, блеснув ярко накрашенными ногтями, сжались в кулаки. Такой я видел ее всего один раз: когда соседский мальчишка застрелил из малокалиберной винтовки какую-то пичужку на нашем заборе. Мне тогда пришлось угостить сорванца конфетой. За моральный ущерб...

– Чем помешали все эти люди? – глухо спросила жена.

Я не ответил. Все равно это риторический вопрос. Мэри процедила сквозь зубы:

– Знаешь, я бы очень хотела посмотреть на того, кто это сделал.

– Я бы тоже, – честно сказал я и глянул в трюмо. Русые стриженные волосы, карие глаза. Тонкие губы, прямой нос. Ничего особенного.

– И что бы ты с ним сделал?

– Пожал бы его мужественную руку, – ляпнул я. – Он избавил правительство от такой занозы...

– Не надо с этим шутить, – голос Мэри дрожал. – Прошу тебя, не надо.

– Я не шучу. Честно говоря, если бы корабль вернули, пассажиров ждала бы лютая смерть в застенках режима. Считай, к ним проявили акт милосердия. Сазалар – сукин сын, и здесь ничего не поделаешь. Но это – наш сукин сын.

– Неужели мы не могли принять беженцев?

– Наверное, нет. Я думаю, теплоход шел в Бостон, а не куда поближе в Майами, потому что капитан с кем-то договорился о временном размещении пассажиров. Это – большая политика, моя дорогая. Даже Салерно дадут убежище только, если он будет молчать. Сейчас он, наверное, жалеет об интервью. Но лучше об этом не думать. Слишком опасно.

Я поцеловал супругу в мокрые соленые глаза, швырнул тапки в угол и прямо в халате плюхнулся в постель. Я представил, каково умирать в ледяной, покрытой слоем липкой солянки воде и пожегся. Стало холодно, будто кто-то распахнул окно, и ночной весенний ветер ворвался в номер. Но уснул я быстро и спокойно, без сновидений. Мне ничто не мешало, кроме стрельбы на экране. Мэри смотрела боевик и рыдала. Ее прикрытые ночной рубашкой плечи вздрагивали. У всех свои слабости...

Тесть явился только на третий день. Жабье лицо расплылось в ухмылке:

– Мэри, оставь нас одних. Мужской разговор.

Супруга хлопнула дверью и вышла в коридор. Она безоговорочно подчинялась отцу.

– Джек, от души поздравляю тебя, – сказал полковник и бесцеремонно сел прямо на постель. – Ты отлично выдержал испытание.

– Какое... испытание? – опешил я.

– Разумеется, проверку профессиональных навыков. Ты не промахнулся: списанная посуда, абсолютно пустая, если не считать забытого по халатности механика, ушла на дно.

– А как же трейлер?

– Диспетчер совершил непростительную ошибку, разрешив посадку на занятую полосу.

Он сурово наказан и более никому никогда не доставит неприятностей.

Полковник закусил губу, поняв, что сболтнул лишнее.

– Командование решило не восстанавливать тебя на службе, – продолжил Келли.

– Почему? – у меня вырвался невольный вздох.

– У нас намного больше свободы использовать гражданское лицо. Но денежное содержание ты будешь получать, как полноценный офицер. Кстати, за этот вылет ты получишь немаленькую премию.

– Спасибо, сэр, – пробормотал я.

Келли поднял холодные, равнодушные глаза и уставился на меня. Мне показалось, будто дьявол спустился из преисподней.

– И запомни, Риппер: ничего не было. Ничего, – сурово сказал полковник и поднялся, очевидно, собираясь уходить. – Верь мне на слово. Если, конечно, хочешь дожить до старости, кувыркаясь в постели с моей дочерью.

Я спустился вниз. Жена сидела в ресторане, глядя сквозь затемненное стекло на залитую весенним солнцем улицу. Детишки пробежали по своим школьным делам. Степенно предефилировала девушка в сером берете и старомодном пальто. В руке она держала сложенный пополам журнал.

– «Жизнь», – сказал я, угадав название по обложке.

– Что тебе сказал отец? – печально спросила Мэри.

Я немного поколебался, но все же ответил:

– Он приказал мне верить. И ради нас двоих мне лучше выполнить его команду.

Мы поднялись в номер и начали собирать вещи. К парадному входу подъехал армейский «Хамви», и солдат-водитель отвез нас домой. Я жив. Значит, я все сделал, как надо.

Глава 2. Генерал Коффин

Я зарулил на стоянку, дернул рукоятку парковочного тормоза и перекрыл подачу топлива. Надсадный вой турбины постепенно смолк. Техник принес лестницу. Я открыл фонарь и спустился на бетон. Подкатил желтый аэродромный тягач и, рыча дизелем, утащил «Стар-файтер» в ангар.

Полковник набросился на меня, едва я переоделся:

– Я, конечно, подозревал, что мой зять полный идиот, но не до такой же степени! Ты мог бы нажать кнопку аварийного сброса подвесок! ВВС как-нибудь пережили бы потерю трех макетов бомб и пары тонн керосина! Не мне тебе объяснять: посадка с полной нагрузкой – что-то вроде хождения по лезвию бритвы!

– У меня не было времени, – я неуклюже попытался оправдаться. – Отказал главный топливный насос. Интересно, с чего это такая забота о моей скромной персоне?

– Я думаю о самолете. Надеюсь, в нем не найдут остаточных деформаций.

– Сами виноваты. В следующий раз не будете навешивать кучу разного барахла на машину, собранную задолго до моего рождения. Я работать. Ребятишки заждались.

Полковник прищурился:

– Подожди минуту. Объясни, почему ты никогда не выкидываешь фортели на своей четырехкрылой этажерке?

Я самодовольно ухмыльнулся:

– Во-первых, человека не нужно трепать в воздухе так, чтобы он вспоминал о полете с ужасом и отвращением. Во-вторых, мне совсем не хочется отмывать салон. У меня и так забот полно.

– Ха! – воскликнул полковник. – С этого и надо было начинать! Со второго пункта.

Я успел выполнить два обзорных полета прежде, чем серая стена облаков подошла к самому аэродрому. Заруливая на стоянку, я увидел полковника. Он мчался ко мне так, будто его ужалила гигантская оса:

– Джек, срочно! Вопрос национальной безопасности! Надо лететь в Довер, на базу! – выпалил он, когда девять сорванцов заняли места в автобусе.

Я критически осмотрел двухмоторный фанерный биплан.

– Да брось ты свой тарантас! За мной, быстрее! – полковник вцепился мне в плечо и потащил к ангару.

На стоянке красовался британский «Хантер». Широкое стреловидное крыло, острый нос, просторная двухместная кабина – солидный самолет. Но, разумеется, машина не чета «Стар-файтеру», этой стремительной, изящной «ракете с крыльями».

– Знаком с управлением? – выпалил полковник.

Я вздохнул:

– Приходилось на разных авиашоу. Не впервой.

В правое кресло втиснулся долговязый мужчина в форме бригадного генерала ВВС. Я заглянул в кабину: его ноги с трудом помещались под приборной панелью. Но где он мне встречался? Не помню.

Неизвестный окинул меня суровым взглядом ветерана и опустил защитное стекло шлема:

– Быстро на взлет! Навигационная система настроена, остается только следить за стрелкой. Кодовое слово для связи с диспетчерами: «Матильда».

Я сел в кресло пилота и попытался разблокировать катапульту. Наглухо законтрена. Впрочем, лучше отправиться из пушки на Луну: древний «стреляющий механизм» может запросто сломать позвоночник. Не хочу провести остаток жизни в инвалидной коляске.

Я дал команду на запуск. Ухнул пиростартер. Завершал компрессор, пронзительно засвистела турбина. Сработало зажигание, стрелки приборов, точно безумные, метнулись по шкале и сползли к зеленым отметкам. Погасли сигнальные лампы.

Вырулив на полосу, я запросил разрешение на взлет и плавно двинул ручку тяги до упора. Самолет рванулся по асфальту и ушел в затянутое низкими тучами небо. Стукнули створки шасси.

На развороте я хватанул ручку на себя. Четырехкратная перегрузка вжала меня в кресло.

– Ты это... полегче на поворотах... истребитель недоделанный, – прохрипел генерал.

– Виноват, сэр. Не рассчитал немного.

Серая муть прижала «Хантер» к самой земле. Тяжело пилотировать машину на бреющем полете: того и гляди влетишь в какую-нибудь сосну или высоковольтную линию. Все мелькает, сливается в цветную кашу. Лишь глаз опытного летчика может за долю секунды ухватить ярко-красную крышу придорожного кафе или заправочной станции. И нет времени глянуть, как там генерал. Может, ему совсем плохо?

Весеннюю зелень леса прорезала серая линия шоссе, и самолет как будто превратился в диковинный сверхскоростной автомобиль. Легковушки, грузовики, автобусы, словно неподвижно замерли на дороге. Мелькнула бело-синяя полицейская машина: ну-ка, догоните и оштрафуйте за превышение скорости. Пятьсот узлов, между прочим.

Вскоре стена облаков осталась позади. Я поднялся немного повыше и облегченно вздохнул.

– Как вы, сэр? – не поворачиваясь, спросил я.

– Порядок, – ответил генерал. – Не переживай.

Неожиданно самолет задрал нос. Я отдал от себя ручку управления, и деревья замелькали у меня перед глазами. Снова тяну «на себя», и снова меня вжимает в кресло. Земля уходит далеко вниз. Отказ управления рулем высоты? Тогда нам труба. Я поиграл тягой, пощелкал переключателем триммера – так-то лучше. Теперь полет напоминает скорее плавание по морским волнам, а не бешеную скачку на полоумном жеребце.

– Ты... что творишь? – прорычал генерал.

– Это не я... это... он. Что-то с управлением.

Нет смысла возвращаться назад: на сверхмалой высоте, под облаками, я не сумею удержать самолет. А что если... все равно подо мной лес. Вряд ли полковник приказал зарядить пушки, но кто его знает?

Машина содрогнулась от залпа «АДЕНов»... Еще очередь, еще... Есть! Наверное, где-то в контуре управления восстановился электрический контакт или пробило засорившуюся трубку гидросистемы. Безумная пляска прекратилась: от капризов допотопного истребителя не осталось и следа.

Под крылом поплыли белые двухэтажные домики – пригороды Нью-Йорка. Блеснули стекла небоскребов, огни взлетных полос аэропорта «Кеннеди» рассыпались прямо передо мной.

Я запросил – пролет над аэропортом.

– Следуйте в зону ожидания, на подходе спецборт.

– «Матильда», – подсказал мне генерал.

– «Матильда», – не меняя курс, я отправил в эфир волшебное слово. «Хантер» в гордом одиночестве проплыл прямо над одним из самых загруженных аэропортов США. Темная стена закованных в сталь и стекло небоскребов осталась позади.

Наконец, я миновал залив Джерси. Мне очень хотелось пройти над Филадельфией и хотя бы сверху глянуть на знаменитый линкор «Нью-Джерси», но неумолимая стрелка навигационной системы увела меня к рощам и лесам заповедника Уортон.

Еще немного, и передо мной, освещенные заходящим солнцем, сверкнули воды залива Делавер. Огненная дорожка ослепила меня, и я, пытаясь спрятаться от невыносимого сияния, на секунду прикрыл глаза.

– Видишь ее? – генерал махнул рукой куда-то в сторону.

На укрытой сумерками земле мерцали разноцветные огни: город и военная база. Диспетчер дал направление и разрешил посадку с прямой.

Я сбросил скорость и развернул машину в створ полосы. Щелкнули замки шасси, зажужжали закрылки. По ушам резанул зуммер. Что за ерунда? Уход на второй круг!

Двигатель засвистел на боевом режиме. «Хантер» промчался над полосой, словно гоночный болид. Под крылом промелькнули постройки аэродрома.

Едва набрав тысячу футов, я снова выпустил закрылки. Загудел зуммер. Проклятое британское корыто!

Замыкание в электрической цепи? Может быть. А если нет? Тогда... все, что угодно. Я подкрался к полосе, убрал газ, и помчался в полуметре над землей, на волос притирая машину. И лишь когда я пролетел треть полосы, колеса осторожно, можно даже сказать, нежно и ласково, коснулись асфальта. Я потянул ручку тормозного парашюта.

Как только самолет встал, на полосу выскочила оранжевая легковушка: машина сопровождения. Я порулил на стоянку.

– Фамилия? – резко спросил генерал, когда едва не бежали к летающему гиганту «Гэлэкси».

– Капитан Джек Риппер... в отставке, сэр.

– В отставке? – генерал, похоже, совершенно не удивился. – Что ж... в Тортугане тоже летали пилоты в отставке. Потом их вернули на службу.

Меня озарило. Я вспомнил, где видел это нелепое сочетание: решительное лицо и смешные оттопыренные уши. Несколько лет назад этот военный командовал операцией «Успех» и, уже после, выступал по телевидению. Но как его имя? Я задумался и чуть не налетел на ограждение грузовой ramпы.

– Осторожнее, Риппер, – улыбнулся генерал. – Не то устройте себе прогулку в Нью-Мексико. Нам лишние пассажиры не нужны. Вы свободны.

Он исчез внутри летающего мастодонта. Через несколько минут «Гэлэкси» вырулил на полосу, разбежался и превратился в мигающий желтый огонек среди тысяч звезд. Я остался в полном одиночестве посреди свиста турбин и рычания аэродромных тягачей. Куда мне идти?

Кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся. Передо мной, состроив почтительную мину на добродушном лице, возвышался солдат. Широкоплечий, коренастый, он чем-то напоминал медведя-гризли. Разве что вместо шкуры на нем была полевая форма военной полиции.

– Капитан Риппер? Мне приказали сопроводить вас, – пояснил незнакомец и представился: – Сержант Джереди.

– Под арест? – я совершенно растерялся.

– Скажете тоже, сэр, – улыбнулся Джереди. – В казарму. У меня приказ отгонять от вас даже комаров!

– Значит, я все-таки задержан, – вздохнул я. – Дальше койки меня не выпустят.

– Не стоит думать о нас так плохо, – притворно посетовал сержант. – Вы полностью свободны. Можете ходить, куда вам вздумается. Но только вместе со мной.

– Ты давно на базе?

– Пять лет.

– Отлично. Будешь моим персональным экскурсоводом. Где истребитель, на котором я прилетел?

Сержант на секунду задумался.

– В шестом ангаре, – наконец, ответил он. – По-моему, самолетом занимается главный инженер базы. Я покажу.

Высокий худой мужчина в нелепых очках-блюдцах внимательно выслушал меня:

– Говорите, самолет будто плыл по волнам, а после залпа все пришло в норму? Давайте глянем.

Инженер открутил какую-то панель и сунул голову в переплетение блестящих трубопроводов и кабелей. И как он там не застрял? Через несколько минут он вынырнул, повернулся ко мне и поднял руку. На его пальце белело что-то похожее на густую смазку:

– Этим замазали клапан гидросистемы. Руль высоты ходил сам, как ему вздумается. Вибрация от стрельбы выбила пробку. Вам повезло. Но это не все. Несколько электрических соединений залили токопроводящим клеем.

– Диверсия? – вырвалось у меня.

– Я этого не говорил, – нахмурился инженер. – Но я должен поставить в известность начальство.

– Подождите минуту. Надо позвонить.

Инженер принес телефон. Я набрал номер тестя.

– Полковник Джеймс Келли! – прорычал голос в трубке.

– Джек Риппер!

– Наконец-то. Я думал, ты никогда не отзовешься, разгильдяй!

Я с ужасом глянул на слепой экран разряженного мобильного. Полковник продолжал разнос:

– Только попробуй мне отключиться в следующий раз! Докладывай!

Я рассказал тестю о странном поведении самолета и добавил заключение инженера.

– Вот как? – быстро спросил полковник. – Разберусь. Молодец, Джек. Я в тебя верил.

– Ну, жить-то я тоже хотел, – вырвалось у меня.

– Не умничай! Завтра тебя отвезут в Филадельфию. С комфортом. Там купишь билет на ближайший рейс – и ты дома. Вопросы есть?

У меня подкосились ноги.

– А «Хантер»? – упавшим голосом спросил я.

– Теперь это музейный экспонат. Останется здесь, на базе. Дай трубку механику!

Я выполнил приказ. Несколько минут инженер внимательно слушал, изредка поддакивая. Наконец, он повесил трубку и посмотрел на меня поверх очков:

– Что ж, я не буду составлять отчет и уведомлять руководство. У вас неплохой покровитель, Риппер.

Я попросил Джереди отвести меня в казарму.

Мы приехали в международный аэропорт Филадельфии только к полудню. И когда я, открывая стеклянную дверь терминала, глянул на сверкающий свежей краской «Хамви», армейский внедорожник, у меня почему-то перехватило дыхание. Мне показалось, будто такая же машина в недалеком будущем навсегда изменит мою жизнь.

К моему искреннему изумлению, сержант прошел следом за мной.

– У меня строжайший приказ посадить вас на самолет, – пояснил он. – После я могу и полакомиться аппетитным яблочным пирогом. Их печет моя жена. Жаль, что вам некогда.

Девушка в кассе покачала головой:

– Сожалею, но билетов до Портленда нет.

Наверное, сегодня у меня день сюрпризов. Надеюсь, приятных.

– Совсем ничего нет? Мне срочно нужно быть там, – в глубине души я даже радовался. Не могу летать пассажиром. Когда я не за штурвалом, я не могу отделаться от мысли, что моя жизнь зависит от другого, совершенно незнакомого человека.

– Еще раз сожалею... – дежурная улыбка так и не сползла с лица кассира. – Хотя минуту. Подойдите к стойке чартеров. Может, у них что-нибудь найдется?

Молодой человек в строгом костюме глянул на экран компьютера:

– Есть одно место. Вылет через пятнадцать минут. Согласны?

Я кивнул и достал кредитку. Через пять минут я зарегистрировался на рейс и пожал на прощание сержанту руку.

У перрона стоял двухмоторный региональный лайнер. Его винты застыли неподвижно, рядом с хвостом рычала и сопела тележка с дизель-генератором. Стюардесса на выдвижном трапе помахала рукой, приглашая в салон. Металлические ступени показались мне лестницей на эшафот.

Я кое-как взял себя в руки, вздохнул и поднялся в темное брюхо лайнера. Мне в лицо дохнуло теплым сухим воздухом, насыщенным ароматом пластика и кожзаменителя. Обычный запах самолета.

У кабины пилотов я остановился и заглянул в пока еще открытую дверь. Молодой человек в кресле капитана не вызвал у меня никакого доверия. Второй пилот, грузный мужчина постарше, заметил мое состояние:

– Не переживайте, сэр! – он попытался успокоить меня. – Самолет – самый безопасный транспорт в мире! А мы – лучший экипаж!

Я не стал спорить: так думает каждый пилот. Стюардесса проводила меня на место. Уже пристегиваясь, я уловил реплику капитана:

– Приглядывайте за этим парнем! Он запросто может доставить нам хлопот!

Я вытер пот со лба. Сосед – чуть полноватый седой джентльмен с фотоаппаратом, коснулся моего плеча:

– Бойтесь летать, мистер...

– Джек Риппер, – буркнул я.

Взвыла турбина. Винт медленно, будто нехотя, провернулся. Лопасты замелькали все быстрее и, наконец, слились в полупрозрачный диск. По салону разлилось тягучее, басовитое гудение.

– Доктор Николс, – представился незнакомец. – Пилот-любитель и фотограф. Полеты – моя страсть. В Портленде сегодня авиационный праздник. Обещают неплохую программу. Говорят, ВВС пришлют F-16.

– Ничего себе новость! – вырвалось у меня. – Вот почему нет билетов!

– Весь город жужжит об этом, как растревоженный улей. Вы знаете, что с тех пор, как закрыли старую авиабазу в Брансуике, часть аэропорта отдали военным?

– Впервые в жизни слышу.

– Я и сам знаю очень немного. Говорят, какая-то секретная программа по противодействию терроризму!

Похоже, методика полковника Келли «перемешать правду и ложь» все-таки работает.

Двигатели взвыли. Несколько секунд они ревели на полных оборотах, но самолет, удерживаемый тормозами, стоял на месте. Наконец, гул турбин стих и лайнер покати по рулежной дорожке.

– Проверка! – объяснил Николс. – Турбины выводят на максимальные обороты, и пилот по приборам контролирует температуру выхлопных газов. Если она выше нормы – полет не состоится. Простите, вы кем работаете, если не секрет?

– Я торгую грузовиками. Обычно я заключаю контракты через Интернет, но иногда приходится выезжать на место.

– Значит, вы технарь? Не хотите со мной на авиашоу? Я могу провести вас в VIP-зону. Лучшее место!

– Увы, – я только пожал плечами. – У меня очень срочная сделка. Совершенно нет времени.

– Очень жаль. Может, вы бы тогда изменили свое отношение к авиации. Ну да какие ваши годы? Еще не все потеряно.

Меня потянуло вперед. Самолет застыл на несколько секунд. В иллюминаторе проплыли указатели взлетной полосы – белые цифры и буквы на красном фоне. Двигатели загудели на взлетном режиме, и меня вдавило в кресло. Я еще раз проверил ремень и вцепился в подлокотники, даже не пытаясь стереть со лба испарину.

Наконец, колеса оторвались от асфальта. Глухо стукнули створки шасси. Я закрыл глаза, не в силах смотреть, как земля превращается в лоскутное одеяло. Хотя сколько раз я видел это зрелище из кабины истребителя!

Когда самолет набрал высоту и гул двигателей стих, Николс снова дотронулся до моей руки:

– Мы набрали высоту! Не бойтесь! Подумайте лучше о безумце, который летает на «Старфайтере». В Портленде сейчас базируется парочка этих птичек.

Я открыл глаза. Доктор смотрел на меня взглядом заботливого врача у постели тяжело-больного.

– И что здесь такого? – с трудом вымолвил я.

– «Старфайтер» – страшная машина. На нем запросто можно наглотаться земли. К тому же самолет этот летает лишь по прямой и с трудом разворачивается. Не зря его называют «ракета с крылышками».

Я едва не высказал доктору все, что думаю. Что управлять «Старфайтером» ничуть не сложнее, чем любым реактивным истребителем. И что его маневренность не хуже любого перехватчика тех далеких времен, когда полеты были пропитаны романтикой и свободой. Но едва я раскрыл рот, как лайнер встряхнуло, и слова застряли у меня в глотке.

Доктор озабоченно посмотрел на меня:

– Всего лишь турбулентность. Самолет не развалится, не переживайте. Он прочный.

– Интересно, нас будут кормить? – внезапно спросил я.

Николс почесал в затылке и, после небольшой заминки, ответил:

– Вряд ли. Я не видел, чтобы на борт грузили питание. Да и зачем оно? Лететь всего час!

– Жаль, – вздохнул я. – Может, пилотам дали бы рыбу на обед.

Собеседник растерялся:

– Э... Какую рыбу? Причем здесь рыба?

Я промолчал. Наверное, Николс не читал шедевр Артура Хейли. И, наверное, правильно делал.

В иллюминаторе под весенними солнечными лучами синело море. Водная гладь переливалась мириадами сверкающих блесков. Зрелище, конечно, красивое, но меня оно не вдохновило. Я закрыл глаза и попытался заснуть. Казалось, прошло всего мгновение, а Николс уже тряс меня за плечо:

– Вставайте! На посадку идем!

Гул двигателей стих. Самолет быстро снижался. Я на всякий случай проверил ремень, и это не укрылось от зорких глаз доктора.

– Значит, у вас аэрофобия... – в голосе Николса слышалось искреннее участие. – Вы ведь так и не отстегнулись во время полета. У меня есть на примете неплохой психотерапевт, бывший летчик. Вот визитка, очень рекомендую.

Я сунул картонный прямоугольник в карман.

Самолет развернулся и вышел на посадочную прямую. В иллюминаторе показались крыши домов. Я закрыл глаза и сидел так, пока мы не зарулили на перрон.

Как только погасло табло «пристегните ремни», ко мне подскочила стюардесса:

– Мистер Риппер? Вас ждут в здании терминала, говорят, очень срочно, – она едва не выпихнула меня из самолета.

Я увидел полковника издалека. Едва я подошел к нему, он схватил меня за руку и потащил к ангару:

– F-16 сел с отказом в Портсмуте! Открути пилотаж!

– На чем? – ответ я знал и так.

– «Старфайтер». Сейчас это единственные реактивные истребители в моем распоряжении.

– Хм... Я не знаю, что входило в программу.

– Импровизируй! Сегодня можно все! Единственное ограничение – не крути в сторону терминала. На всякий случай.

Меня охватил азарт:

– Знаете что, полковник? Организуйте трансляцию веселенькой музыки в кабину. Зрителям тоже. И откачайте половину топлива! – я рванул в раздевалку за противоперегрузочным костюмом.

Бело-синий «Старфайтер», преобразился. Неизвестный художник нарисовал на хвосте утенка. На правом воздухозаборнике красовалась кинозвезда сороковых годов прошлого века. Но больше всего меня растрогала надпись под фонарем кабины: «Капитан Джек Риппер». Самолет прикрепили ко мне.

Я получил свои пять минут славы. Когда я выруливал, то видел восхищенные и удивленные лица зрителей, стоявших возле гейтов терминала и ограды аэропорта. Правда, что-то мне подсказывало, что их восторг вызван стремительным красавцем, а вовсе не моей физиономией в кислородной маске. Но сейчас это не имело никакого значения.

Наверное, довольные фанаты прислушивались к завыванию и свисту старого турбореактивного двигателя. Такой удачи – увидеть в небе живую историю на обычном, в общем-то, рядовом празднике, любители авиации даже не мечтали.

Где-то там, в толпе, доктор Николс отчаянно щелкал затвором фотоаппарата. Снимки я увидел позже и, надо сказать, мы со «Старфайтером» неплохо получились. Правда, себя мне удалось разглядеть с трудом. Зато бортовой номер вышел отменно.

Я дал полный газ. Меня вдавило в кресло, и взлетная полоса превратилась в гладкую серо-черную ленту. Прерывистая осевая линия, как безумная, помчалась подо мной. Грохоча форсажем, истребитель свечой ушел в безоблачное небо и, растопырив тормозные щитки, камнем рухнул с трехкилометровой высоты.

Я выжал из самолета все. Крутил бочки, иммельманы, перевороты, змейки. Авиагоризонт отплясывал джигу, акселерометр, казалось, взбесился. Перегрузки то вжимали меня в кресло, то пытались разорвать привязные ремни, но я упорно продолжал выписывать в небе немислимые пируэты. Машина великодушно разрешала выполнять даже мертвые петли – фигуру особенно сложную для ленивой «ракеты с крылышками».

Наверное, тень поседел, увидев, что я вытворяю с антикварной техникой. Что поделать: я давно уже не чувствовал такого слияния с самолетом. Мы были единым целым: никто не знал, где заканчивается плоть и кровь и начинается сталь, алюминий и керосин.

Под самый конец произошло... не то, чтобы непоправимое, но, скажем так, неприятный инцидент. И почему я такой неудачник?

«Старфайтер», окутанный белесым облаком конуса Маха, мчался в десятке метров над полосой. Внезапно мне в глаза блеснуло солнце. Стрелка махметра предательски перевалила за цифру «1» – стекла нового терминала брызнули сверкнувшими осколками.

– Как ты их! – раздался в наушниках голос полковника. – Отлично, Джек! Просто превосходно! Такая реклама ВВС!

Я пошел на посадку. Выпустил шасси, закрылки. Все, как обычно: визуальный указатель глиссады – два белых, два красных огня. Колеса шаркнули по асфальту. Я полностью сбросил тягу и потянул рукоятку тормозного парашюта.

Заруливая на стоянку, я глянул на терминал – он ошерился зубьями выбитых окон. Надеюсь, правительство возместит нанесенный ущерб: обычному человеку с его маленькой зарплатой не хватит всей жизни, чтобы рассчитаться. Даже если придется продать себя в рабство.

Я снял кислородную маску и спустился на землю. Техники прицепили к носовому колесу буксировочную штангу и аэродромный тягач, фыркнув черным дымом, укатил «Старфайтер» в ангар.

У терминала о чем-то спорил уже знакомый мне экипаж: два пилота и стюардесса. Увидев меня, они разом, как по команде, повернули головы и уставились на меня так, будто я только что выбрался из летающей тарелки. Я отсалютовал труженикам неба и едва не бегом рванул к полковнику. Он, состроив довольную мину, хлопнул меня по многострадальному плечу:

– Что ж, Джек. Ты молодец. Но...

– Что? – прошептал я, похолодев.

– Смотри в оба. Ты ходишь по краю пропасти. Но раз я втянул тебя в историю... Подпиши это, – полковник протянул мне какие-то бумаги.

Я пробежал взглядом текст: отныне моя должность – полевой агент, пилот отдела специальных операций. Полковник стрельнул на меня взглядом:

– Джек, не тяни. Ты уже по самые уши в... работе.

Мне ничего не оставалось делать. Я нацарапал свою фамилию и вернул документы полковнику. Тот сложил их в черную кожаную папку.

Мэри ждала меня на стоянке и, как всегда, выглядела восхитительно. Ее локоны золотистой волной падали на плечи, но глаза устало глядели из-под чуть прикрытых век. Жена отвезла меня домой и за всю дорогу мы не вымолвили ни слова. Нам все было ясно и так.

Глава 3. Трюк

Я лихо заломил вираж, разворачивая маленького четырехкрылого «Дракошу» на предпосадочную прямую. Ребятишки в салоне радостно завизжали.

Сверкающий солнечными блестками океан остался позади. Медленно проплыла лента шоссе со снующими туда-сюда разномастными автомобилями. Я выпустил закрылки и скользнул взглядом по указателю подхода. Два красных, два белых огня. Все в порядке: я на курсе и на глиссаде.

Торец взлетной полосы уплыл под обрез приборной доски. Шасси зашуршали по асфальту. Я погасил скорость, осторожно опустил хвостовое колесо и зарулил на стоянку. Открыл дверь, потянул за рычаг лестницы, и маленькие пассажиры помчались в терминал. Они всегда почему-то бегут. Наверное, для детей время идет как-то по-другому...

Тесть ждал меня возле ангара. Он чему-то улыбался, таким довольным я видел его очень редко.

– Идем со мной! – сказал он. – Хочу познакомить тебя с одним выдающимся человеком.

– Интересно, что у него выдается? И куда? – я неудачно попытался съязвить.

– Свой казарменный юмор, Джек, оставь при себе! Капиш, как говорят итальянцы-мафиози? И будь повежливее – персона известная.

Мы прошли через главный зал, я подмигнул слегка накрашенной девушке за стойкой администратора. Она мило улыбнулась дежурной улыбкой, но, увы, на самом деле ей не было до меня никакого дела. Впрочем, как и мне до нее.

Полковник распахнул дверь VIP-зала. В кресле перед телевизором сидел полный лысоватый мужчина с добродушным, похожим на блин, лицом. Я пожал ему руку. Незнакомец приветливо улыбнулся и сказал:

– Мое имя – Бэзил Фикс. Я – известный голливудский кинорежиссер.

Я сел в кресло напротив и едва не утонул. Почему такие только в VIP-зале?

– Прошу прощения, но я очень редко смотрю фильмы. Вот моя жена – знатный киноман. Вы желаете вручить мне пару билетов на премьеру своего творения?

Режиссер засмеялся. Трудно представить, что можно смеяться вкрадчиво, но он сделал именно так.

– Нет, у меня к вам деловое предложение. Вас рекомендовали, как опытного и абсолютно безба... бесстрашного летчика. К сожалению, наш трюкач недавно... как вы, авиаторы, говорите, наглотался земли. Такое бывает. Я хочу пригласить Вас на его место.

– Глотать землю? – я состроил что-то вроде улыбки. Фикс поежился.

– Черный юмор – признак оптимизма, – сказал он, и взгляд его стал жестким и колючим. – Каков будет ваш ответ? У вас есть время подумать.

– Зачем оттягивать неизбежное? Я согласен. Могу я прочитать сценарий?

– Позже, – уклончиво сказал режиссер. – Чуть не забыл: съемки проходят в Нью-Мексико, на авиабазе Холломан. Разумеется, мы оплачиваем все расходы. Кстати, где ваша супруга? Вы можете поехать вдвоем.

– Она в рейсе. Стюардессы иногда улетают очень далеко, – сказал я.

– Очень жаль. Значит, вы поедете один. Если это все, наш юрист свяжется с вами в ближайшее время.

Я вышел вслед за полковником и резко хлопнул дверью. Как бы случайно.

– Джек, позвонит юрист, свяжись со мной. Все бумаги – только в моем присутствии, – сказал тесть на прощание.

Я предъявил удостоверение службе безопасности, прошел на стоянку и открыл дверь «Дракоши». У меня сегодня еще несколько обзорных полетов.

Полковник не нашел в документах никаких изъянов. Я подписал разовый контракт и выехал в Бостон.

В безоблачном небе ярко светило солнце, деревья, едва распустившие молодые листья, зеленой стеной высились по обеим сторонам дороги. Среди буйства юной природы стыдливо мелькали светлые здания придорожных заведений. Но даже великолепные виды не могли оторвать меня от грустных дум: признаюсь честно, я боюсь летать, если не веду самолет собственной персоной. В крайнем случае – если за штурвалом не сидит кто-то, кому я могу доверять.

Я вошел в терминал и растерялся. Неужели мне придется покупать билет самому? А режиссер обещал все оплатить...

По залу, усердно размахивая табличкой с надписью «Джек Риппер», прохаживался унылый парень в форме с крылышками пилота. Наверное, он пытался разогнать скуку. Я бросился к нему.

– Вы меня ждете? – спросил я и представился.

– Я уж думал, вы никогда не появитесь, – просиял он. – Идите за мной.

Охрана пропустила нас без досмотра. Мы прошли по рулежным дорожкам и свернули к ангару. Я остановился: пассажирский «Боинг», завывая двигателями, разбежался для взлета. На полированной обшивке блеснуло полуденное солнце.

– Нет времени на достопримечательности! Мы и так задержались! – лейтенант крикнул, перекрывая оглушительный свист выруливающего бизнес-джета.

Я поспешил за офицером. За ангаром стоял четырехмоторный транспортный «Геркулес». Огромные, в два человеческих роста, винты застыли неподвижно. Возле «грузовика» довольно урчал аэродромный источник питания – маленькая тележка с дизель-генератором.

Мы поднялись в кабину. Командир, строгий мужчина лет пятидесяти, указал на спальное место у переборки:

– При всем уважении, вам лучше отдохнуть, Джек. Не стоит мешать работать экипажу. Поверьте, мы знаем свое дело не хуже вас.

Я вздохнул, забрался на койку, пристегнулся и попытался убедить себя, что этому человеку я могу доверять безоговорочно. Кажется, мне это удалось.

Загудели турбовинтовые двигатели. Машина, вздрагивая на стыках бетонных плит покатила по рулежным дорожкам. Командир запросил разрешение на взлет. Уже проваливаясь в сон, я почувствовал, как самолет побежал по полосе и заскользил по упругому гладкому воздуху...

Проснувшись через несколько часов, я сел в пустующее кресло бортинженера. В лобовое стекло вплыла черная линия полосы, отчетливо видимая на фоне унылых красно-бурых песков. Самолет шел на посадку, и я постоянно порывался дать летчикам несколько полезных советов. Едва сдержался: за подобные вещи выкидывают за борт без парашюта.

Наконец, «Геркулес» коснулся асфальта, взревел реверсом и зарулил на стоянку. Я пожал руку летчикам и по грузовой рампе спустился на грешную землю.

Меня ждал джип военной полиции. Водитель в форме сержанта доложил:

– Сэр, у меня приказ доставить Вас к начальству!

Не арестовали, уже неплохо.

Через несколько минут автомобиль остановился возле желтого административного здания. Я взлетел на второй этаж и постучался в дверь с табличкой «командир полигона Белые Пески бригадный генерал Тимоти Коффин». Я по достоинству оценил фамилию: «коффин» по-английски означает «гроб».

– Да! – сказал кто-то знакомым голосом.

Я вошел в кабинет и застыл с раскрытым ртом: в кресле прямой, как флагшток, сидел мой недавний пассажир.

Генерал указал на стул. Мне стало смешно: узко посаженные глаза в сочетании с оттопыренными ушами забавно смотрелись на представительном мужчине. Пытаясь сдержать неуместную улыбку, я потрогал эмалированную эмблему с изображением звездно-полосатого флага. Гладкая и холодная.

– Агент Риппер, на моем полигоне вы можете рассчитывать на полное содействие. Разумеется, если ваши действия не будут создавать угрозу персоналу и мирному населению, – Коффин рванул с места в карьер.

– Вы в шпионов не переиграли? – как мог, безразлично спросил я. Интересно было бы глянуть на свою физиономию, но, увы, зеркала в кабинете не было.

Вместо ответа генерал передал мне лист бумаги. На официальном бланке с печатями и подписями высокопоставленных лиц значилось, что я – агент отдела специальных операций ЦРУ. Да, так оно и было на самом деле. Интересно, зачем тесть раскрыл Коффину карты?

– Кто знает о моем истинном обличье?

– Только я, – ответил генерал. – Что вы за люди – рыцари плаща и кинжала? Никогда не признаетесь, пока не припрешь вас к стенке. Но, согласитесь, я имею право знать, что происходит у меня на базе?

– Я приехал сниматься в кино. Выполнить несколько воздушных трюков.

– Знаю. Но. Ни плана съемок, ни сценария мне не предоставили. Зато в наличии строгий приказ из Вашингтона оказать содействие. Это подозрительно, – генерал побарабанил пальцами по столу.

– Наверное. Я в этом не разбираюсь. Повторю: меня, кроме полетов, ничего не интересует.

Коффин вздохнул и протянул мне пластиковую карточку:

– Не хотите говорить – ваше дело, Риппер. Возьмите пропуск. И помните мои слова: я всегда готов прийти на помощь.

Я откланялся. За то время, пока шла приятная беседа, вспыхнули редкие звезды на потемневшем небе. Сержант отвез меня в гостиницу. Наверное, здесь немного постояльцев, раз владельцам вместо сверкающего полированной сталью и стеклом небоскреба хватает нескольких одноэтажных деревянных домиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.